

О.Л. Довгий (Москва, Россия)

**Неизвестный Махов: презентация 1-го тома «Избранных сочинений»
(«О русской литературе»)**

Аннотация: В статье идет речь о презентации 1-го тома избранных сочинений А.Е. Махова, куда вошли исследования по русской литературе. Это наименее известная сторона деятельности ученого. Встреча состоялась в Пушкинской гостиной филологического факультета 13 мая 2023. На вечере выступили известные филологи из МГУ, ИМЛИ РАН, ИНИОН РАН, РГГУ.

Ключевые слова: А.Е. Махов, первый том «Избранных сочинений», русская литература

O.L. Dovgy (Moscow, Russia)

**Unknown Makhov: Presentation of the 1st volume of “Selected Works”
 (“On Russian Literature”)**

Abstract: The article deals with the presentation of the 1st volume of selected works by Alexander (E.) Makhov, which includes researches on Russian literature. This is the least known aspect of the scientist’s activity. The meeting took place in the Pushkin Drawing Room of the Philological Faculty on May 13, 2023. Well-known Moscow philologists took part in the event.

Key words: Alexander Makhov, the first volume of “Selected Works”, Russian literature

13 мая на филфаке неофициально называют «большой львиной субботой». С утра в Пушкинской гостиной на столе докладчика установлена фотография А.Е. Махова¹, держащего в руке фотоаппарат, – он явно готовился к съемке события. И имел на это полное право, ведь это был праздник в его честь. В первой половине дня прошла конференция, приуроченная к юбилеям В.К. Третьяковского и Г.Р. Державина. Организаторы – профессора кафедры истории русской литературы В.Л. Коровин и Д.П. Ивинский – посвятили ее памяти Махова, о чем сказал в своём вступительном слове заведующий кафедрой профессор В.Б. Катаев. А второе отделение было отдано под презентацию только что вышедшего первого тома Избранных сочинений Махова, куда вошли исследования по русской литературе.

¹ Имя Лев для А.Е. Махова практически легитимизировано в наших публикациях и выступлениях и выступлениях хорошо знавших его коллег.

Ведущая этой части вечера – О.Л. Довгий, составитель, редактор и автор предисловия¹. Встреча шла в гибридном формате: было много гостей и в аудитории, и в окошках зума – коллеги, друзья, студенты, аспиранты; представители всех мест, где Лев учился и работал, – филфак МГУ, ИНИОН, РГГУ, ИМЛИ.

Все выступления были настолько живыми и яркими, что для воспроизведения атмосферы встречи режим максимального включения стенограммы представляется самым логичным.

Открыла презентацию **О.Л. Довгий**. Поблагодарив кафедру и всех пришедших на «большую львиную субботу» гостей, она остановилась на логичности связи конференции по XVIII в. с творчеством Махова, на «взаимных зеркалах» Державина и Махова: «Когда заявляешь тему о “взаимных зеркалах двух авторов”, всегда нужно посмотреть две стороны. В данном случае – зачем Державин Махову и зачем Махов Державину. У Махова державинское зеркало, безусловно, было, причем, разумеется, очень своеобразное: Державина он очень любил, много знал наизусть; Державин был в маховском “фонде готового слова”, даже на занятиях многие вещи Лев объяснял на примерах из державинской поэзии. Махов для нас – это прежде всего музыка, это европейский романтизм. А романтизм, как постоянно писал Махов, – это слух, а не зрение. Вечная оппозиция слуха и зрения всегда его волновала в отношении к поэзии, поэтике: поэзия – это вторая живопись (горацианский топос “ut pictura poesis”) или вторая музыка? Докторская диссертация была посвящена системе категорий музыки в европейской поэтике. Но вспомним, с чего начиналась Интрада. С книги “Эмблемы и символы” (1995). А эмблематика – это визуальность, это зрение, это зрительный образ. Но зрительный образ, теснейшим, сложнейшим образом связанный со словом, с поэзией. Поэзия для Махова была именно на перекрестке этих двух сфер. Вот она, маховская многомирность: он уверенно чувствует себя и в мире музыки, слуха, и в мире визуальности, зрения; для него естественны постоянные переходы между этими мирами. Державин для Махова – это эмблематика, зрение. Уже в первой статье об эмблематике он говорит о Державинском творчестве как о книге эмблем. И статья о Державине, которая представлена в томе, – синтез его размышлений об этой вечной поэтологической оппозиции. Анализируя взгляды Державина на лирику, Махов отмечает его независимость: в то время как концепция поэзии как второй музыки набирала популярность, Державин оставался верен горацианской точке зрения, верен пониманию поэзии как второй живописи. Этой статье нужно бы быть в следующем томе, где будут исследования по истории поэтики, но пусть она будет здесь как единственный привет восемнадцатому веку, который Махов очень любил и знал. Если проследить творческий путь Льва, получается, что музыкальное и визуальное всегда существовали в его космосе и всегда были переходы от одной сферы к другой. От музыки он переходил к эмблематике и в ранний период (1991 – “Любовная риторика романтиков”, 1993 – “Ранний романтизм в поисках музыки”, 1995 – “Эмблемы и символы”), и в конце пути (кстати, на примере последнего десятилетия видно своеобразное «кольцо»: 2014 – “Эмблематика. Макрокосм”; 2017 – “Реальность романтизма”; 2021 – “Эмблематика. Микрокосм”, над которой Лев работал до последних дней и не успел закончить). Помня, что Лев очень любил фигуру *conciliatio* и много писал о ней, наверное, можно сказать, что он постоянно находился в поисках возможного слияния, соединения и для членов этой оппозиции. Но в конце все-таки оказалась эмблематика, зрение. И Державин здесь – поддержка. В книге, которую Махов не успел закончить, очень много державинского. Напри-

¹ Для полного функционального пакета – и автор настоящей хроники.

мер, вся метафорика стоицизма. Об этом я отдельно обязательно напишу. Так что на вопрос, зачем Махову Державин, ответ может быть таким: чтобы с его помощью в очередной раз попытаться разрешить вечный поэтологический вопрос, что же такое поэзия – вторая живопись или вторая музыка. А зачем Махов Державину? Наверное, чтобы жерло вечности не так быстро пожирало».

Далее ведущая перешла к самой представляемой книге. Концепция обложки – часть общей композиции, в основе которой идея единого пути Льва, органической взаимосвязи всех его миров: эмблема «Semper idem» («Вечно тот же») из «Эмблем и символов», первой книги «Интрады», – лев, смотрящийся в зеркало; и сочетание цветов – желтого и зеленого, как на «12 зеркалах Пушкина», только зеркально отраженных.

Почему собрание сочинений открывает том русистики. Хотелось показать неизвестного Махова. Все знают его как крупнейшего специалиста в области истории европейского романтизма, истории поэтики, средневековой христианкой демонологии, взаимоотношений слова и музыки, эмблематики. А вот тема «Махов и русская литература» не кажется очевидной. И – тем более – тема «Махов и история русской журналистики». Хотя однокурсники Льва помнят, что в годы учебы он считался талантливым пушкинистом (и однокурсники были правы!). И совершенно естественно, что презентация проходит на кафедре истории русской литературы: здесь Лев защищал диплом и кандидатскую.

Как возникла структура. Сразу было ясно, что будут три части, органически связанные между собой. Имя этой структуре дала любимая маховская риторическая триада «Historia – Argumentum – Fabula». Но не хватало какой-то увертюры, где были бы заявлены все будущие голоса этой книги. И такая увертюра нашлась – вступительное сочинение Льва. В нем уже прозвучала ключевая формула маховского творчества: «Всё во мне, и я во всем». Вообще при работе над книгой было стойкое ощущение, что Лев помогает, подсказывает, ведет. Сочинение было найдено в Архиве МГУ. Вот его последняя фраза: «Но Пушкин-философ и Пушкин-поэт, Пушкин-романтик и Пушкин-реалист связаны между собой неразрывно. И поэтому нам важно выразить то главное начало, которое воплощала природа в пушкинском творчестве. Это начало – начало вечного, всеобновляющего “эталоны” прекрасного, источник катарсиса, несущего душе просветление и очищение в победе вечной жизни над преходящей смертью». Жизнь вечна, а смерть преходяща – Лев это понимал уже в 16 лет и об этом писал всю жизнь.

Когда нашлось сочинение – все сразу встало на свои места. Том строился как диалог, как книга взаимных отражений двух Александров: Пушкина и Махова. Имя Пушкина встречается в книге 2532 раза. Все – такие разные – маховские миры (эмблематика, демонология, романтизм, поэтика, игра) сходятся в точке, имя которой «Пушкин». Пушкинская формула «магического кристалла» – самая подходящая для выражения отношения Льва ко всем явлениям мира. Любая самая истоптанная научная тропа оказывается новой и манящей, если к ней поднесен маховский «магический кристалл».

Закончила ведущая свое вступление так: «Наталья Ивановна [Михайлова. – О.Д.] всегда задавала нам вопрос: «А что вы положите на алтарь пушкинского юбилея 2024 года?» Мы со Львом всегда отмалчивались. Вот – теперь нам есть, что ответить. Кладу этот том. От нас обоих».

Дальше о книге говорили присутствующие на вечере.

Д.П. Ивинский (МГУ): «Прежде всего, эту книгу приятно брать в руки; она очень хорошо издана. Я хотел бы сказать два слова в продолжение факультетско-университетской темы. Воспроизведение последних страниц сочинения позволило мне осуществить дешифровку, раскрыть фамилии тех, кто это сочинение проверял. Проверял его Анатолий Николаевич Качалкин, который, насколько мне известно, считал всю жизнь оптимальной оценкой три. И что должно было произойти с Анатолием Николаевичем Качалкиным на этот раз, об этом история умолчит. А вторая подпись – я даже не решаюсь произнести это имя – это подпись давно покойного Бориса Семеновича Бугрова. Кто понимает, тот слегка плачет. Для тех, кто не знает, позволю себе рассказать одну факультетскую историю. У нас на кафедре трудился долгое время, думаю, всем хорошо известный Владимир Николаевич Турбин. И в порядке развлечения, чтобы как-то скоротать вечность, тогдашний декан предложил В.Н. Турбину написать вступительное сочинение. Его зашифровали и отправили на проверку вместе со всеми остальными. Борис Семенович Бугров ему поставил три. И вот здесь два проверяющих сошлись в одной точке высочайшего оценивания труда Махова. Я думаю, очень правильно, что это напечатано, потому что когда начинаешь читать, то понимаешь, что в этой книжке нет ни мечты, ни звуков, ни Ганца Кюхельгартена; что Махов всегда был Маховым, и то, что в скрытом виде в этом сочинении сказано, потом начинает как бы оживать, раскрываться. И в этой дипломной, и в кандидатской. Всегда есть опасность что-то добавить, как-то приукрасить действительность. Но в данном случае приукрасить не удастся, так как речь пойдет о научном руководителе Махова, В.И. Кулешове, который не был склонен перехваливать современников. Это редчайший случай, что Василий Иванович говорил, что работа состоялась. Мне не вспомнить точных слов Кулешова, но вот эту интонацию ясно помню. А сказать я хотел еще о самой кандидатской. Как давно это написано, а как-то с тех пор не появилось ничего такого, что дало бы основания для пересмотра. Темы не закрываются, мы это знаем, – но по факту произошло именно это. И на сегодняшний день нечего положить рядом. Спасибо, Ольга Львовна. Спасибо за этот том. Могу представить, сколько труда это стоило. Будем читать».

М.Ф. Надъярных (ИМЛИ РАН): «Скажу о том, что сразу открылось. Открылась одна из статей о Пушкине. Разоблачение смерти как обмана. Смерть – это очередная иллюзия. Русистика Махова – это его становление, становление его видения. Она нужна, полезна, ее нужно давать студентам в обязательном порядке. Эмблематичность мышления Махова в смысле настроенности его на очень конкретные, очень ощутимые ключевые слова о литературе. Ключевые слова, употребленные ровно там и так, что этот текст приобретает совершенно новый смысл. При таком чтении возникает совсем новый Пушкин. Вот Алиса [О.Л. Довгий. – *О.Д.*] говорила про музыку и живопись. Нам привычно воспринимать Махова, погруженного в музыку. А как круто он пишет о зримости. Зримость возникает как свидетельство образного строя. Вот это словосочетание, которым Махов пользуется постоянно – “образный строй”, причем музыка и видении где-то рядом. Важно “и”. Нужно сказать о его доброжелательности. Он действительно видит русскую литературу как гармоничную, несмотря на то что у него очень острый критический взгляд, но он улавливает нити гармонии, которые эта литература подчас теряет. Я продолжаю рвано читать эту книжку. Я читаю ее то кусками, то последовательно. Алисе огромное спасибо за то, что она собрала то, что она собрала, потому что это абсолютно другая русистика. Это тот же Александр Евгеньевич, тот же Лев, – но это абсолютно другая русистика, это живая литература».

Е.В. Лозинская (ИНИОН РАН): «Когда Ольга прислала мне книжку, я думала – буду читать по вечерам, понемножечку. Села – и не могла оторваться. Не скажу, что 700 с лишним страниц я прочитала за один раз, но я не смогла работать, пока я ее не дочитала. Она действительно увлекательная. Вот так можно охарактеризовать научную книжку – это книжка увлекательная. Хотя, казалось бы, что в ней увлекательного: вроде бы просто собрание статей, ранних квалификационных работ. А между тем это роман. Это книга в жанре романа. Причем не романа какого-то конкретного: готического, приключенческого, реалистического, – это роман сервантесовского типа. Это роман, который вбирает в себя всё: все романы и другие жанры тоже. Как он начинается? Он начинается с романа становления. И это была гениальная мысль начать с сочинения. Из этого романа становления, романа воспитания видно, во-первых, как постепенно маховская научная мысль формируется, а с другой стороны, как его – маховские – топосы возникают уже в школьном вступительном сочинении. И это мышление топосами, мышление повторяющимися лейтмотивами, которые характерны и для предметного изучения, и для образа его научной мысли. Все это проходит через книжку и образует именно сюжет. Героем этого романа являются одновременно А.Е. и его топосы; топосы его мышления. Здесь как бы два слоя – та многосмысленность, о которой он все время писал. А за романом воспитания идет роман, который не сюжетный. С одной стороны, казалось бы, это роман, в котором фабула выстраивается из отдельных эпизодов, которые образуют сюжет не благодаря хронологической и логической последовательности, а потому, что формируют вместе некое идейное целое. На материале русской литературы появляются все темы, которые мы знаем по творчеству А.Е., специалиста по поэтике, по эмблематике, но эти темы вдруг проявляются на материале, совершенно несвойственном Махову. Для меня центральной статьёй сборника была статья о поэтике Державина, которая действительно очень маховская. И она маховская не только по содержанию, но она еще маховская по структуре, потому что она больше всего мне напоминает фугу. Двухголосную фугу, в которой изобразительное и музыкальное (вот идея лирики как изобразительного искусства и идея лирики как музыкального искусства): как в фуге, даются сначала две темы, потом они обращаются – и в конце происходит их синтез. Не скажу, что это очень точно воспроизводит структуру фуги. Но общее ощущение фуги, которые, насколько я знаю, Александр Евгеньевич играл».

О.Л. Довгий: «За несколько часов до ухода от слушал “Искусство фуги” Баха».

Е.В. Лозинская: «И еще скажу о том, о чем уже все говорили, – о кандидатской диссертации. Потому что ее-то я, будучи итальянистом, вообще не знала. Ну да, слышала, что вот был Надеждин, был “Телескоп”, но вот этот текст я прочитала действительно не отрываясь, от начала до конца, потому что он действительно увлекательный. Несмотря на то что в нем есть все признаки правильной кандидатской диссертации, я его прочитала как роман. В этой квалификационной работе А.Е. действительно создал картину литературной журналистской жизни, которая была характерна для того времени. Действительно журналистам этот текст надо прочитать. И скажу еще об одном сильном впечатлении. О статье о переводах. Здесь тоже проявилась романная структура этого текста, потому что один из характерных романских приемов – это опровержение ожиданий читателя. Когда ты ожидаешь чего-то одного, а вдруг оказывается что-то другое. И гораздо более интересное, чем то, чего ты ожидал. Начинается статья, собственно, с отсылки к Бахтину, к идее полифонии, многоголосия. Но какое отношение имеет Махов к Бахтину? Это ведь две абсолютно разные филологии. И я начинала это читать, ожидая, что А.Е. что-нибудь

скажет о современной бахтинистике, на которую он может посмотреть со стороны. Потому что современная бахтинистика – очень своеобразная. А оказалось, это совсем о другом. А.Е. взял теорию Бахтина и применил ее к переводу. Он рассмотрел, как меняется позиция переводчика в разные литературные и исторические эпохи, как создается образ литературного текста, переводимого разными переводчиками. Как выходит на первый план то голос автора, то голос того, кто переводит. И это была абсолютно маховская тема – как преобразуются образы, как преобразуются топосы. И это одно из самых сильных впечатлений. Статья о переводе показала, как можно осмыслить творчество великого автора, как его можно принять и вобрать в себя. Как его можно сделать частью себя. Вот ровно то, что произошло с концепцией Бахтина у Махова. Ну и наконец. Любой роман требует каких-то отступлений. Такими отступлениями стали «12 зеркал Пушкина» и еще энциклопедические статьи, которые очень хорошо рифмуются между собой. Они показывают, как можно в скучном жанре сказать что-то новое. «12 зеркал», в общем, тоже энциклопедия, но там факты соположены так, что мы смотрим по-новому на взаимоотношения двух героев (например, батюшковские сюжеты). Вот эти романические отступления придают большую увлекательность этому тексту. Я очень благодарна за этот роман, который вы нам вдвоем подарили. И совершенно не жалею, что прочитала от начала до конца, отложив в сторону всё.

О.Л. Довгий отметила, что идея рифмы всего со всем изначально была главной в книге, композиция действительно строилась как музыкальная, и очень важно, что внимательные читатели эту рифму, эту связь слышат.

А.С. Маркова (РГГУ): «Ольга Львовна подарила мне праздник – прислала эту книгу. Я сегодня делала доклад в музее Пушкина о романтических формулах в творчестве Пушкина. Я опиралась на диплом Александра Евгеньевича – как он показывает эти формулы, как широко идет его мысль. Например, его анализ элегии “Погасло дневное светило”, где он показывает, что Пушкин делает с европейской формулой коварного мира. А.Е. мне подарил видение. Видение мира, который не сжат в какой-то набор штампов, возможность видеть мир открытым с совсем другой высоты. И я за это очень благодарна».

Ю.А. Матвеева (Гос. лит. музей): «Я благодарю за эту книгу. Сегодня уже много говорили. Я с каждой репликой была согласна, мне хотелось сказать: да, вот так и есть. Но начну с того, что для меня это “Махова воздушная громада”. Как вы написали в предисловии – “неизвестный Махов”. Для меня это был именно неизвестный Махов. Я впервые читала его работы, кроме, конечно, кандидатской. Я ее знала, живя на этой кафедре. Это первое, что мне посоветовал прочитать по истории русской журналистики 20–30-х годов, А.М. Песков. Начну с самого начала. Сочинение. Все мы проверяем сочинения, знаем, как пишутся рецензии. Но тут рецензенты не смогли употребить это выражение “Тема раскрыта полно”. Это было настолько полно, что переполняло. Отсюда такая развернутая рецензия. Диплом – открытие. Исследование об элегии “Погасло дневное светило” – откровение. Я каждый раз читаю и думаю, что же там произошло. И вот простое объяснение: Пушкин придумал строчку, она ему понравилась, – и решил ее вновь использовать. Потрясающие формулировки, такие живые, совершенно непохожие на привычный язык исследовательской литературы. Мы говорим, что это студенческая работа. Но мы забываем, что это 80-е годы. Это до интернета. Где все эти источники? Это живое пролистывание живых книг. Как происходит

подход к теме? Начинается с тезиса, дальше тезис разворачивается очень интересно: цитаты из современников Пушкина, из современников европейских, причем цитаты на трех языках, на языке оригинала. Дает подстрочники, очень поэтические, между прочим. Подстрочник по стилю – как будто писали современники Пушкина. Дальше – “а вот это же у Пушкина”; он проникает вглубь этого явления у Пушкина. И я вижу конгениальность исследователя тому, что он исследует. Он практически проделывает то же путь, что и Пушкин. А дальше – он снова поднимается на уровень обобщения. Я не могу не процитировать – “хранители души”. Поэтические образы в исследовательской работе. Что меня еще удивило. Когда есть какая-то теория и нужно что-то в нее уложить, мы то упрощаем, то что-то опускаем, то идем путем умолчания. А.Е. так никогда не делал. Он относится к сложности просто: не пытается упрощать, представляет многозначность во всей многозначности – и я вижу Пушкина. “Тема странничества и упрощается и усложняется одновременно” – это же парадокс. И дальше А.Е. пишет о романтической парадоксальности. Еще о Надеждине. А.Е. действительно упивается его языковыми находками, его метафорами. Думал ли кто когда, что Надеждин пишет метафорами? Сколько значений в его статьях имеет слово “народность”, – мы никогда не задумываемся. И как Надеждин говорит о средневековом романтизме; наверное, тут А.Е. увидел свою родственную душу. Я впечатлена невероятно, я благодарна. Я устыжена: как я могла не знать этого раньше. А с другой стороны, и хорошо: если бы я знала это раньше, я бы никогда не посмела заниматься русской литературой. Вот она, настоящая исследовательская высота».

О.В. Федунина (ИМЛИ РАН): «Хотелось бы поздравить всех с началом выхода собрания сочинений А.Е. Событие долгожданное, потому что собрать хотя бы малую часть труднодоступных и не самых очевидных его работ – это на самом деле большой труд, и за это самая сердечная благодарность Ольге Львовне. За возможность познакомиться со вступительным сочинением, с дипломной работой – для чего нужно было поднимать архив МГУ. Мы сами их не увидели бы никогда, не добрались бы до этого. Еще один момент – это совершенно неожиданная грань: А.Е. Махов как русист. Для меня это совершенно неожиданная сторона. Здесь интересны отражения самого Александра Евгеньевича в пушкинском зеркале. Это все нужно очень внимательно читать, осмыслять в какой-то целостности, – целостности того, что сделал А.Е.; связать и с эмблематикой, и с музыкой, и с демонологией, и с европейским романтизмом. Вот когда все это сложится в единую объемную фигуру, тогда, наверное, все сойдется».

В заключение ведущая еще раз поблагодарила кафедру, организаторов «большой львиной субботы» – В.Л. Коровина и Д.П. Ивинского, всех гостей. И пригласила на новые встречи, посвященные выходу новых работ Льва.

Сведения об авторе

Ольга Львовна Довгий,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
факультет журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
olga-dovgy@yandex.ru